БАЙКАЛ

Книга вторая: Хрустальное царство

Матвей Листвянов

Матвей Листвянов

Байкал. Книга вторая: Хрустальное царство

https://litres.ru/75034008
SelfPub; 2026

Аннотация

Байкал зимой — другая планета: вместо воды — метровый лёд, вместо

тропинок — торосы высотой с дом. Друзья из первой книги возвращаются на озеро

в межсезонье и обнаруживают, что дружба, проверенная летом, не всегда

выдерживает настоящий холод. В компанию вливаются двое новых зимних

персонажей — гордый орлан Ефим и шустрый горностай Ася, — а каждая беда в

этой книге решается не по волшебству, а ценой: кто-то мёрзнет, кто-то рискует,

кто-то ошибается. Честная, не приглаженная история о том, что дружба — это

выбор, который приходится делать заново в каждый трудный день.

Содержание

Содержание 5
Глава 1. Снова здесь 6
Глава 2. Ноги шире, ты лев, а не цапля 15
Глава 3. Лёд как стекло 24
Интерлюдия. Ефим и лёд, который думает 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Матвей Листвянов
Байкал. Книга вторая: Хрустальное царство

БАЙКАЛ
Книга вторая: Хрустальное царство

Матвей Листвянов

Содержание

Глава 1. Снова здесь
Глава 2. Ноги шире, ты лев, а не цапля
Глава 3. Лёд как стекло
Интерлюдия. Ефим и лёд, который думает
Глава 4. Под сапогами — бездна
Глава 5. Нерпа зимой
Глава 6. Подлёдная рыбалка
Интерлюдия. Федя в большом городе
Глава 7. Сагаалган. Часть первая
Глава 8. Сагаалган. Часть вторая
Глава 9. Звёзды Байкала
Глава 10. Испытание
Глава 11. До весны, Байкал

Глава 1. Снова здесь

Аэропорт Иркутска встретил их совсем не так, как в прошлый раз. Не запахом керосина и летней духотой из открытых дверей, а стеной холода, ударившей в лицо ещё в рукаве трапа, — такого холода, что Симба, ступив на трап первым, издал звук, средний между рычанием и всхлипом, и застыл на месте, отказываясь идти дальше.

— Это невозможно, — простонал он в шарф — на этот раз целых пять штук, намотанных друг на друга так, что лев больше напоминал пушистый шар с гривой наверху. — Воздух не может быть твёрдым. А этот — твёрдый.

— Холод — это только температура, — раздался из глубины намотанных шарфов невозмутимый голос Раджи, обмотанного едва ли не так же основательно, как Симба, но не потерявшего от этого ни капли привычного достоинства. — Страх перед холодом — решение, которое можно принять или не принять. Кажется, я уже говорил тебе об этом полгода назад.

— Тогда я его принял, — простучал зубами Симба. — Официально. Прямо здесь, на трапе.

— Минус двадцать пять, — сообщил Бао, сверившись с термометром на телефоне, прежде чем убрать лапы обратно в специально купленные для этой поездки варежки. — По ощущениям — минус тридцать два, если учитывать ветер. Я

читал об этом явлении. Оказывается, читать и чувствовать — разные вещи.

За полгода, прошедшие с их первого отъезда, каждый из семерых если и изменился, то не сильно — разве что стал чуть смелее там, где раньше колебался. Зара так и не сдала окончательный вариант своей статьи в редакцию — переписывала последний абзац уже в четвёртый раз, недовольная тем, что он всё ещё звучал недостаточно честно; черновик она то и дело пересылала Василию на проверку цифр, и тот неизменно возвращал его исчирканным пометками на полях, дотошными, как и подобает экологу. Мими за эти месяцы сняла тысячи роликов уже в пятидесяти с лишним странах, но ни один, по её собственному признанию, не пересматривала так часто, как ролик с молчаливым Федей на пирсе; из трёх камер, с которыми она приехала летом, в багаже теперь лежала только одна — две другие она, не особенно объясняя почему, оставила дома, будто одной было достаточно, если знаешь, что именно хочешь поймать в кадр. Бао начал вести отдельный блокнот — просто так, для себя, — и ловил себя на том, что записывает туда фразы, а не только цифры.

Внизу, у выхода из зоны получения багажа, ждал знакомый силуэт — крупный лось в клетчатой рубашке, поверх которой теперь красовался тяжёлый овчинный тулуп, и с той же самой картонкой в копытах: «ГРУППА №7. БАЙКАЛ», разве что края у неё чуть обтрепались за прошедшие месяцы.

— Вы сохранили её, — заметил Бао, разглядывая табличку с почти научным интересом.

— Хорошая картонка, — коротко ответил Степан. — Крепкая. Зачем выбрасывать то, что ещё работает.

Он оглядел компанию — семь фигур, замотанных в такое количество слоёв одежды, что с первого взгляда трудно было различить, кто есть кто, — и на его морде промелькнуло что-то похожее на одобрение.

— В прошлый раз вы боялись жары, — заметил он. — Теперь боитесь холода. Байкал умеет удивлять с любой стороны.

— Я не боюсь холода, — возразил Симба из-под пятого шарфа голосом, приглушённым настолько, что слова еле пробивались наружу. — Я его... уважаю на расстоянии. С большого расстояния. Желательно из тёплого автобуса.

— Автобус там, — сказал Степан, указывая копытом в сторону выхода. — Дверь всё ещё низкая, жираф. Зима её не расширила.

Жора, успевший забыть об этой конкретной проблеме за полгода вдали от сибирских дверных проёмов, издал тяжёлый вздох узнавания и, не дожидаясь дальнейших указаний, сразу пригнулся, вспоминая утиную походку, которую освоил ещё в июле.

Прежде чем выйти на улицу, впрочем, пришлось разобраться с багажом — на этот раз куда более внушительным, чем летом. Элли привезла с собой на этот раз шесть чемода-

нов вместо привычных четырёх, объяснив это тем, что «зимой нужна одежда на каждый градус отдельно, и это чистая логика, а не излишество», а Симба, ещё в Йоханнесбурге купивший специальный зимний костюм по совету консультанта из спортивного магазина, обнаружил, что тот весит едва ли не больше его самого.

— Зачем производители делают зимнюю одежду такой тяжёлой? — простонал он, безуспешно пытаясь вытащить неповоротливый баул с ленты. — Можно подумать, они специально хотят, чтобы мы не могли добраться до места назначения.

— Чем тяжелее одежда, тем теплее, — сказал Бао со знанием дела, ловко подхватывая собственный компактный рюкзак, в котором, по его словам, помещалось «ровно необходимое количество слоёв, рассчитанное заранее по погодным сводкам». — Эффективность против комфорта. Ты выбрал комфорт. Я выбрал эффективность.

— Ты выбрал сумку размером с подушку, — парировал Симба. — Не хвастайся, пока сам не замёрз.

Раджа, чей багаж состоял из единственной аккуратной сумки, невозмутимо наблюдал за перепалкой, ожидая своей очереди у ленты.

— Мудрость путешественника, — произнёс он, — не в количестве взятых вещей, а в умении обойтись без лишнего.

— Лёгкая философия для того, у кого шуба круглый год, — буркнул Симба, наконец одолев свой баул.

Дорога от аэропорта в этот раз выглядела совершенно иначе — тайга стояла белой стеной, укрытой снегом до самых верхушек, с редкими просветами тёмных стволов там, где ветер сдул снег с коры. Небо стояло низкое, тяжёлое, серо-белое, и солнце, показавшееся ненадолго между облаками, светило неярко, будто экономило силы на морозе так же, как экономили их путешественники.

— Как здесь всё живёт зимой? — спросила Зара, поплотнее закутавшись в шарф и разглядывая заснеженный лес за окном. — В прошлый раз вы говорили про косуль, про медведей. Куда они деваются, когда так холодно?

— Медведи спят, — сказал Степан. — Разумно с их стороны. Косули не спят — просто едят меньше и двигаются экономнее. Тайга зимой не пустеет, она просто становится тише. Как человек, который бережёт дыхание для долгой дороги.

— А люди? То есть звери, которые здесь живут постоянно?

— Топят печи. Носят унты. Ругают зиму вслух и скучают по ней летом, — сказал Степан. — Так было и при моём деде, и, полагаю, будет при моих внуках, если они у меня когда-нибудь появятся.

Элли, до этого дремавшая под грудой одеял, которые предусмотрительно захватила из дома «на всякий случай», встрепенулась при слове «печи».

— А что готовят зимой? Что-нибудь горячее, надеюсь?

— Всё, что готовят летом, только вдвое горячее и втрое сытнее, — заверил Степан. — И кое-что, чего летом не готовят вовсе. Скоро узнаете.

Автобус ехал дольше обычного — снег на дороге заставлял держать скорость ниже, чем в июле, — и разговоры постепенно стихли, уступив место созерцанию заснеженного пейзажа за окном, который менялся медленно, но неотвратимо: тайга редела, впереди, за очередной сопкой, начинало проступать что-то плоское, огромное, слепяще-белое, сливающееся с небом настолько, что граница между ними терялась.

— Это облака легли на землю? — спросил Жора неуверенно, вытягивая шею.

Степан не ответил сразу — как и полгода назад, просто прибавил скорости, не желая портить момент словами раньше времени.

— Смотрите сами, — сказал он только. — Минут пять.

Автобус выехал на открытое место, и то, что открылось впереди, заставило всех семерых, включая обычно невозмутимого Раджу, прижаться к стёклам.

Байкала не было. Вернее, он был — там, где летом стояла синяя, живая, дышащая волнами вода, теперь простиралась ровная белая равнина, уходящая за горизонт настолько далеко, что противоположный берег полностью растворялся в морозной дымке. Ни единой волны. Ни единого движения. Только гладкая, застывшая, бескрайняя белизна, изред-

ка прочерченная тонкими тёмными линиями трещин, разбегающимися во все стороны, будто кто-то нарисовал их одним неторопливым росчерком пера.

— Оно... — начал Жора и замолчал, не находя продолжения.

— Спит, — тихо предположил он наконец.

— Нет, — сказал Степан, останавливая автобус на том же самом месте, что и полгода назад. — Оно думает.

Все семеро молча вышли на мороз, и на этот раз молчание длилось даже дольше, чем в первый приезд, — от чего-то более сложного, чем просто восторг, смешанного из восхищения и лёгкого, необъяснимого страха перед тем, насколько огромной и безмолвной может быть вода, которая перестала быть водой.

— Мы вернулись, — сказала наконец Зара тихо, будто самой себе. — Только это другое озеро. То же самое, но другое.

— Байкал один, — согласился Степан. — Просто у него, как у любого из нас, есть разные настроения. Летом вы видели одно. Сейчас увидите другое.

Симба, стоявший чуть позади остальных, вдруг ощутил, как что-то холодное и незнакомое коснулось его лапы, — и, опустив взгляд, обнаружил маленькое существо, белое, стремительное, с чёрным кончиком хвоста, разглядывающее его снизу вверх с нескрываемым любопытством.

— Ты тот самый лев, который боится холода? — раздался звонкий голос. — Мне про тебя рассказывали.

Симба вздрогнул так сильно, что едва не потерял равновесие на укатанном снегу.

— Кто рассказывал? — только и смог спросить он.

— Байкал, — ответило существо с абсолютно серьёзным лицом, а затем расхохоталось так звонко, что эхо от смеха покатилось над белой равниной. — Шучу. Степан рассказывал. Меня зовут Ася. Добро пожаловать в настоящую зиму.

Остальные шестеро, привлечённые звонким голосом, подтянулись ближе, разглядывая новое знакомство с тем же любопытством, с каким горностай разглядывал их.

— Ты живёшь прямо здесь, на льду? — спросил Жора, восхищённо глядя на маленькую фигурку, стоявшую на снегу с такой уверенностью, будто под лапами у неё был обычный паркет, а не мёрзлая вода.

— Рядом, — уклончиво ответила Ася, явно наслаждаясь произведённым впечатлением. — Скоро сами всё увидите. Степан сказал, вам нужен кто-то, кто научит не падать каждые пять шагов. Вызвалась добровольно.

— Мне не нужны уроки хождения, — с достоинством заявил Симба, хотя ноги его в этот момент подрагивали от одного взгляда на бескрайнюю ледяную равнину. — Я хожу по земле тридцать два года без единой проблемы.

— Это не земля, — коротко возразила Ася, уже разворачиваясь в сторону турбазы. — Идёмте. Заодно проверим, насколько хорошо тридцать два года подготовили тебя именно к этому.

Зара, доставая блокнот, несмотря на успевшие снова загустеть от мороза чернила, тихо пробормотала себе под нос, делая первую пометку:

«Местный проводник. Семнадцать лет. Больше уверенности в себе, чем у половины взрослых, кого я встречала».

* * *

Глава 2. Ноги шире, ты лев, а не цапля

Горностай оказался ростом едва по колено даже Феде, но двигался с такой скоростью и уверенностью по льду, что казался хозяином всего белого пространства сразу.

— Ты живёшь здесь же, на турбазе? — спросила Зара, доставая блокнот прямо на морозе и тут же обнаруживая, что чернила в ручке загустели от холода и писать почти невозможно.

— Через залив, — сказала Ася, безошибочно опознав проблему с ручкой и без единого слова протянув карандаш из кармана куртки. — У егеря. Это мой папа. Летом я в школе в Иркутске, зимой — здесь, катаюсь и учу таких, как вы, как не падать. Хотя, — она смерила Симбу оценивающим взглядом, — некоторых, кажется, научить будет сложнее обычного.

— Я не собираюсь падать, — с достоинством заявил Симба. — Я хожу по льду не первый раз в жизни.

— Ты хоть раз стоял на льду до сегодняшнего дня?

Симба на секунду задумался.

— В детстве было мороженое. С кубиками льда в стакане.

Ася закрыла лицо лапой, явно сдерживая новый приступ смеха.

— Это не считается, — сказала она наконец. — Ладно. Смотри на меня.

Она сделала несколько быстрых, лёгких шагов по льду, широко расставляя лапы и слегка приседая, будто скользила, а не шла, и остановилась в паре метров, обернувшись с явным превосходством победителя.

— Вот так. Ноги шире. Центр тяжести ниже. Ты лев, а не цапля — не пытайся идти на прямых ногах, как по земле. Лёд — это не земля. Земля тебя держит просто так. Лёд надо уговаривать.

Симба, набравшись решимости, шагнул на укатанный ледяной пятачок у берега тем же уверенным шагом, каким обычно входил в переговорную комнату собственной компании в Йоханнесбурге, — и уже на третьем шаге его задняя лапа поехала вперёд с такой скоростью, что он не успел даже удивиться, прежде чем оказался на спине, глядя в низкое серое небо.

Тишина, повисшая на секунду, взорвалась дружным хохотом всей группы, включая обычно сдержанного Бао, который, впрочем, тут же виновато прикрыл рот лапой.

— Царь зверей, — простонал Симба, не двигаясь с места, — только что был побеждён замёрзшей водой.

— Не побеждён, — поправила Ася, подъезжая к нему и протягивая лапу, которая рядом с его гривой казалась игрушечной. — Представлен. Это разные вещи. Вставай, покажу заново.

К удивлению всех, включая самого Симбу, вторая попытка получилась значительно лучше: он расставил лапы шире, опустил центр тяжести и, следуя указаниям Аси, прошёл почти пять метров, не упав, — правда, каждый шаг сопровождался таким напряжённым выражением морды, будто лев обезвреживал невидимую бомбу.

— У тебя получается! — крикнула Элли, осторожно пробующая лёд собственным весом с явным недоверием.

— У меня получается не упасть, — уточнил Симба, не поворачивая головы, чтобы не потерять равновесие. — Разница огромная.

Жора, воодушевлённый успехом Симбы, решил тоже попробовать — и немедленно обнаружил новую, никем не предвиденную проблему: при его росте центр тяжести оказался настолько высоко над землёй, что малейшее покачивание шеи отдавалось катастрофическим креном во всё туловище.

— Моя шея снова во всём виновата, — простонал он, покачиваясь на месте, как несуразная башня на тонком фундаменте, прежде чем всё же благополучно, хоть и неуклюже, восстановил равновесие. — На земле высокая шея — это неудобно. На льду это, кажется, прямая угроза жизни.

— Держи шею неподвижнее, а двигайся только ногами, — посоветовала Ася, с интересом разглядывая непривычную для себя биомеханику жирафа. — Ты первый жираф на моей практике. Придётся придумывать методику на ходу.

— Приятно чувствовать себя первопроходцем, — пробормотал Жора, впрочем, отчаянно стараясь следовать совету, — хотя бы в чём-то, помимо неловкости.

Михаил, встретивший группу у самого берега турбазы с санями, запряжёнными старым, но крепким снегоходом — какие уж тут олени с собаками, — наблюдал за представлением с широкой ухмылкой.

— В прошлый раз он ловил сапоги вместо рыбы, — заметил он Степану. — Теперь ловит равновесие вместо льда. Прогресс налицо.

Дорога от берега до турбазы заняла ещё минут двадцать — на этот раз на двух связанных цугом санях, которые тянул снегоход Михаила, подскакивая на неровностях наста так, что Элли то и дело взвизгивала от восторга, а Симба вцепился в борта саней всеми четырьмя лапами разом.

— А куда деваются птицы зимой? — спросил Жора, придерживая шапку, которую ему одолжила Аля ещё в аэропорту и которая теперь грозила слететь от встречного ветра. — Я не вижу ни одной с самого приземления.

— Часть улетает на юг, как везде, — ответил Степан, сидевший впереди рядом с Михаилом. — Часть остаётся — тетерева, глухари, синицы. Прячутся под снегом на ночь: зароются в сугроб, и там теплее, чем кажется со стороны, ветер не достаёт. Утром вылетают оттуда с таким шумом, что с непривычки можно испугаться до потери шапки.

— Птицы спят под снегом? — Элли обернулась так резко,

что чуть не выронила из хобота термос с чаем. — Живые птицы? В снегу?

— Живые, — подтвердил Михаил, не оборачиваясь от руля снегохода. — Снег — плохой проводник холода. Он держит тепло лучше, чем перья птицы держат тепло воздуха вокруг себя. Природа приспосабливается быстрее, чем мы успеваем удивиться этому факту.

Бао, до этого молча державшийся за сани обеими лапами, вдруг заметил задумчиво:

— Получается, зима здесь не убивает жизнь, а просто заставляет её прятаться иначе. Мёртвая тишина оказывается набитой живыми существами, которые просто научились быть незаметными.

— Тишина обманчива, — согласился Раджа со своего места в санях, глаза которого были полузакрыты, но, судя по всему, он ловил каждое слово разговора. — Молчание редко значит отсутствие. Чаще оно значит терпение.

Турбаза встретила их дымом из печной трубы, поднимающимся густым белым столбом в неподвижном морозном воздухе, и Алей, выскочившей на крыльцо без куртки, будто холод её вовсе не касался.

— Живы! — объявила она, оглядывая заиндевевшую делегацию. — Уже хорошо. Заходите скорее, у меня чайник кипит третий час, ждал именно вас.

За её спиной, в дверях, появился Федя — и Зара, шагнувшая было ему навстречу с обычным дружелюбным при-

ветствием, вдруг остановилась, заметив нечто новое в том, как заяц держался: не сутулясь, не прячась за косяком, как в июле, а стоя прямо, с чем-то похожим на спокойную уверенность во взгляде.

— Ты изменился, — сказала она вместо приветствия.

Федя улыбнулся — просто, без всякого прежнего смущения.

— Университет в Иркутске прислал письмо, — сказал он. — Насчёт обмена. Про который Жора обещал похлопотать.

Жора, всё ещё пытавшийся протиснуть шею в низкую дверь турбазы с тем же неизменным трудом, что и полгода назад, вскинул голову так резко, что стукнулся макушкой о притолоку.

— И что там написано? — спросил он, потирая ушибленное место, но уже с широкой улыбкой.

— Пока просто анкета, — ответил Федя. — Рассматривают заявки. Ничего не решено. Но раньше даже анкеты не было, а теперь есть.

— Это уже кое-что, — сказала Зара, и в её голосе прозвучало что-то, похожее на настоящую гордость за него.

— Кое-что, — согласился Федя, — но не всё. Я стараюсь не думать про это слишком много, пока не придёт ответ. А то расстройство будет больнее, если откажут.

— Разумная осторожность, — заметил Бао одобрительно, стряхивая снег с плаща у самого входа. — Хотя статистически, кто не подаёт заявку вовсе, гарантированно получает

отказ. А кто подаёт — хотя бы имеет шанс.

— Спасибо, профессор, — сказал Федя с иронией, которой у него точно не было в прошлый приезд. — Обнадёживающая статистика.

Внутри, у жарко натопленной печи, дожидался горячий чай в глиняных кружках и целое блюдо пирогов с брусникой, к которым Элли отнеслась так же торжественно, как в прошлый раз отнеслась к первой порции ухи.

Профессор Глафира, узнавшая о возвращении группы ещё утром, специально пришла к ужину, кутаясь в тот же белый халат, что и летом, только теперь надетый поверх толстого шерстяного свитера.

— Не могла не поприветствовать вас лично, — объяснила она, усаживаясь за стол с чашкой чая. — Хотя, признаюсь, не ожидала, что вы решитесь вернуться зимой добровольно. Большинство туристов приезжают один раз и потом благоразумно предпочитают воспоминания повторному визиту.

— Мы не большинство туристов, — с достоинством заметил Симба, до сих пор отогревавший лапы у самой печи.

— Замечаю, — сухо согласилась Глафира, окинув его взглядом, в котором мелькнуло что-то похожее на одобрение. — Как продвигается ваша научная карьера, Бао? Продолжаете собирать данные?

— Начал собирать кое-что другое, — уклончиво ответил панда, не уточняя подробностей своего нового замысла с книгой, но обменявшись быстрым, заговорщицким взгля-

дом с Зарой, единственной, кому он уже успел проговориться по дороге.

Жора, устроившийся у самого тёплого угла печи и наконец полностью отогревшийся после дороги, вдруг произнёс вслух, обращаясь скорее к самому себе, чем к кому-то из присутствующих:

— Странно, что полгода назад эта же самая комната казалась мне слишком жаркой, а сегодня — самым уютным местом на свете.

— Восприятие меняется вместе с погодой снаружи, — откликнулся Раджа с философской ноткой в голосе. — То, что кажется чрезмерным летом, зимой оборачивается спасением. Возможно, в этом урок не только про печи.

— Иногда печь — это просто печь, Раджа, — со смехом заметила Зара, впрочем, беззлобно. — Не всё обязано быть метафорой.

— Согласен, — невозмутимо кивнул тигр, протягивая лапы поближе к теплу. — Но эта конкретная печь сегодня — определённо метафора. Очень тёплая метафора.

— Расскажи мне про зимнюю кухню, — потребовала она у Али, едва скинув верхнюю куртку. — Всё. С самого начала. У меня блокнот для рецептов теперь отдельный от блокнота для впечатлений.

— Скоро расскажу, — пообещала Аля. — Но самое интересное будет чуть позже — через пару недель здесь будет Сагаалган, бурятский Новый год. Вот тогда ты увидишь на-

стоящую зимнюю кухню во всей красе.

— Сагаал... что?

— Узнаешь, — сказала Аля с заговорщицкой улыбкой. — Пока просто пей чай, пока горячий. Впереди у вас ещё лёд, о котором вы даже не подозреваете.

* * *

Глава 3. Лёд как стекло

Мими начала это утро иначе, чем начинала все предыдущие дни поездки, — вместо того чтобы сразу выхватить камеру и снимать всё подряд, она сначала минут десять просто стояла на берегу, разглядывая пейзаж и что-то обдумывая, прежде чем наконец достать оборудование и начать выставлять кадр с необычной для себя тщательностью.

— Что ты делаешь? — с любопытством спросила Зара, заметив непривычную сосредоточенность подруги.

— Пробую снимать по-другому, — призналась Мими, регулируя штатив. — Обычно я хватаю телефон и снимаю что попадётся, а потом монтирую из этого что-то смешное для сторис. В этот раз хочу попробовать снять настоящий фильм. С началом, серединой и концом. Не знаю толком, как это делается, но, кажется, начинается с того, чтобы сначала посмотреть, а потом уже нажимать кнопку записи.

— Серьёзная перемена в подходе, — заметил подошедший Бао с уважением. — Помню, как ты снимала падающий пакетик орешков в самолёте с таким же азартом, с каким снимаешь сейчас целое озеро.

— Ефим сказал мне вчера кое-что важное, хоть и не мне лично, — сказала Мими задумчиво. — Он говорил Заре про первую линию, которая всегда кривая. Подумала, может, первый настоящий фильм тоже обязан начинаться неуверен-

но. Главное — начать.

Пока Мими договаривала фразу, на лёд неподалёку от них вышла профессор Глафира, в тёплом халате поверх обычного белого, с ледорубом в одной лапе и термометром в другой, — и первым делом заставила всех лечь животом прямо на лёд, невзирая на протестующие стоны Симбы.

— Смотрите вниз, — велела она. — Не бойтесь. Лёд у берега держит слона, не то что льва.

Элли, услышав про слона, немедленно и с явным интересом улеглась на лёд, за ней, чуть менее охотно, остальные — и то, что открылось им сквозь ледяную толщу, заставило даже Раджу приоткрыть оба глаза одновременно, что случалось нечасто.

Под ними, сквозь метровую с лишним толщу льда, была видна вода — не мутная, не тёмная, а такая же прозрачная, как летом, только теперь заключённая в раму из твёрдого стекла. Камни на мелководье, водоросли, качающиеся в невидимом течении, и даже, метрах в трёх ниже, силуэт небольшой рыбы, лениво проплывающей мимо, — всё это виделось отчётливо, будто лёд превратился в огромное увеличительное стекло.

— Это невозможно, — прошептал Жора, прижавшись щекой к ледяной поверхности так близко, что его дыхание оставляло на льду быстро тающие облачка пара. — Я вижу дно сквозь лёд лучше, чем сквозь воду в бассейне у меня дома.

— Байкальский лёд особенный, — объяснила Глафира, присаживаясь рядом на раскладной стульчик, специально прихваченный для таких случаев. — Он замерзает медленно, послойно, при почти полном безветрии, и вода здесь настолько чистая, что в лёд не попадает почти никакой мути — ни пузырьков воздуха в большом количестве, ни взвеси. Обычный лёд на других озёрах — мутный, белёсый, потому что промерзает быстро и неровно. Этот — прозрачный, потому что у него было время подумать, как замерзать красиво.

— Сколько ему нужно времени? — спросил Бао, уже присевший рядом с блокнотом, но, против обыкновения, не спешивший записывать цифры.

— Толщина здесь сейчас — около метра, — сказала Глафира. — К февралю нарастёт до полутора, местами и до двух. Достаточно, чтобы выдержать не только льва, но и настоящий грузовик, если знать, где ехать.

— Грузовик? — Симба резко поднял голову. — По этому? По воде, которая просто лежит и притворяется твёрдой?

— Байкальский лёд не притворяется, — заметила Ася, катавшаяся неподалёку, выписывая ленивые круги вокруг лежащей на льду компании. — Он и правда твёрдый. Просто выглядит так, будто может передумать в любой момент. Быть ненадёжным и выглядеть ненадёжным — оказывается, вовсе не одно и то же.

— А это правда, что зимой по озеру ездят на машинах? — спросила Элли, приподнимаясь на локтях, всё ещё не до

конца веря собственным глазам.

— Правда, — подтвердил подошедший Степан. — Зимники — ледовые дороги — открывают, когда толщина проверена и признана безопасной. Ездят грузовики, легковые машины, иногда даже автобусы. Только не абы где — маршрут размечают заранее, зная, где течения и родники держат лёд тоньше обычного.

— А если лёд треснет прямо под колёсами? — не удержался Жора, представив себе эту картину с явным ужасом.

— Поэтому маршрут и размечают, — терпеливо повторил Степан. — Байкал не запрещает ездить по себе. Он просто требует, чтобы к нему относились внимательно, а не как к обычному асфальту.

Дальше по заливу, там, где течение сжимало лёд сильнее обычного, виднелись невысокие ледяные гряды — беспорядочные нагромождения обломков, торчащие над ровной поверхностью то невысокими зубцами, то настоящими застывшими волнами в человеческий рост.

— А это что за холмы? — спросила Зара, указывая карандашом в их сторону.

— Торосы, — сказала Ася. — Лёд трескается, куски наезжают друг на друга, вода между ними снова замерзает — и получается вот такое. Иногда маленькие, размером с сугроб. Иногда — с целый сарай, если сжатие было особенно сильным.

— С целый сарай? — Симба присвистнул, глядя на самую

внушительную гряду вдалеке.

— Ефим рассказывал про торос за проливом, который был выше него самого в полёте, — добавила Ася. — Я не видела, врать не буду, но не сомневаюсь, что было именно так — Ефим не из тех, кто преувеличивает без нужды.

Пока они разглядывали дно, откуда-то издалека, из глубины ледяного поля, донёсся звук — низкий, протяжный, вибрирующий, будто кто-то тронул исполинскую басовую струну и позволил ей звучать несколько долгих секунд, прежде чем звук ушёл дальше, теряясь эхом где-то в белой равнине.

Симба вскочил на все четыре лапы так резко, что едва не упал снова.

— Что это было?!

— Лёд поёт, — сказала Ася невозмутимо, будто речь шла о самой обычной вещи на свете.

— Лёд не может петь!

— Технически, — вмешался Бао, который уже успел достать телефон и что-то торопливо в нём набирал, — это звук, который возникает при растрескивании и подвижке ледяного покрова. Толщина льда меняется от температуры, лёд расширяется и сжимается, где-то не выдерживает и лопается — но не разом, а вдоль трещины, которая может тянуться на километры, поэтому звук получается такой протяжный, будто движется.

— Похоже на кита, — заметила Зара, застыв с занесённым над блокнотом карандашом.

— Похоже на голос самого озера, — тихо сказал Раджа, неожиданно для себя выпрямившись и закрыв глаза — на этот раз просто для того, чтобы лучше слышать.

Ещё один звук раздался спустя минуту — на этот раз ближе, короче, похожий на выстрел, — и вся группа, кроме Аси и Степана, синхронно вздрогнула.

— Не бойтесь, — успокоила Ася. — Это трещина новая нарастает, не под нами. Лёд треснул бы иначе — сначала предупредил бы гулом пониже, потом тишиной, а уже потом хрустом прямо под лапами. Вы бы почувствовали задолго до того, как это стало бы по-настоящему опасно.

— Откуда ты всё это знаешь в семнадцать лет? — спросила Зара с искренним любопытством, отложив наконец карандаш и просто глядя на горностая.

— Мой отец — егерь, — сказала Ася просто. — Я хожу по этому льду с пяти лет. Одни учатся читать буквы. Я училась читать трещины. Мне кажется, второе не менее полезно, просто про него не пишут в школьных учебниках.

Бао, до этого молчавший необычно долго для человека — вернее, панды, — привыкшего сопровождать любое наблюдение цифрой, вдруг закрыл блокнот и просто лёг обратно на лёд, глядя не вниз, на дно, а в сторону, где белая равнина сходилась с серым небом без единой видимой границы.

— Знаете, — сказал он тихо, — я пятнадцать лет собираю данные. Пишу отчёты, где каждое явление объяснено формулой. Но вот этот звук, — он кивнул в сторону, откуда до-

нёсся гул, — я могу объяснить физикой трещины во льду. И этого объяснения мне вдруг стало недостаточно.

— Достаточно для чего? — спросила Элли.

— Для того, чтобы почувствовать то, что я чувствую сейчас, — сказал Бао, помолчав. — Может, некоторые вещи нуждаются не в объяснении, а в стихотворении. Я никогда не писал стихов. Начинаю подозревать, что зря.

Никто не стал шутить над этим признанием — даже Симба, у которого нашлась бы дюжина острот на эту тему в любой другой день, — потому что что-то в тоне панды звучало слишком настоящим, чтобы становиться поводом для смеха.

* * *

Интерлюдия. Ефим и лёд, который думает

Орлан жил в расщелине скалы над заливом уже почти полвека — дольше, чем кто-либо из ныне живущих на этом берегу мог вспомнить его молодым. Про него говорили разное: что он знает лёд лучше, чем собственные перья, что его нельзя переспорить в вопросах, где начинается опасность и заканчивается осторожность, что улыбается он раз в год, да и то не всем.

Правду о том, откуда взялась эта суровость, знали немногие, и Ефим рассказывал её нечасто — но именно в это утро, когда Зара пришла к его расщелине с блокнотом подмышкой, надеясь получить материал для новой главы статьи, он неожиданно для самого себя решил рассказать всё, с самого начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.